

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)
Г68

Jostein Gaarder
THE RINGMASTER'S DAUGHTER
(SIRKUSDIREKTØRENS DATTER)

Перевела с норвежского *Любовь Горлина*
Дизайнер обложки *Александр Андрейчук*
Художник *Иван Лицук*

Публикуется с согласия *Oslo Literary Agency*
Издательство выражает благодарность
литературному агентству
Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency
за содействие в приобретении прав

Гордер Ю.

Г68 Время Паука : [роман] / Юстейн Гордер; [пер. с норв. Л. Горлиной]. — СПб. : Аркадия, 2020. — 256 с. — (Серия «Аркадия. Избранное»).

ISBN 978-5-907143-53-1

В голове странного молодого человека Петтера Паука рождаются сотни захватывающих историй. Самую трепетную из них, о пропавшей дочери директора цирка, Петтер доверил любимой женщине, с которой ему вскоре пришлось расстаться навсегда. А остальные в качестве сюжетов для будущих романов стал продавать находящимся в творческом кризисе писателям. Тайный бизнес приносит хорошую прибыль, и Паук, полагая, что оказался в нужном месте в нужное время, не понимает, какую смертельно опасную игру затеял...

В романе Юстейна Гордера есть все: любовь и философские размышления, правда и вымысел, а также острый взгляд на таинственный мир издателей книг.

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)

- © Jostein Gaarder, 2001
- © Впервые опубликовано Н. Aschehoug & Co. (W. Nygaard) AS, 2001
- © Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательство Аркадия», 2020

ISBN 978-5-907143-53-1 © Shutterstock, 2020

...думаю, что теперь это зашло слишком далеко — я имею в виду в интеллектуальном отношении, — вопрос в том, не нужно ли нам вообще сделать небольшую культурную передышку, чтобы осознать достигнутое, так сказать, переварить то, чем нас потчуют.

*Юхан Е. Меллбю,
депутат стортинга,
Крестьянская партия,
2 мая 1927 г.*

Освободиться от власти средств массовой информации и культурных наставников — все равно что попасть в неведомый, таинственный мир, вернуться обратно к действительности.

Время мечтаний прошло.

*Ховард Сименс,
юрист и внештатный
журналист «Афтенпостен»,
18 августа 2001 г.*

Голова раскалывается. Я ношу в себе сотни новых идей. И они всё прибывают и прибывают.

Не исключено, что до известной степени мысли сложно контролировать, но едва ли можно вообще перестать думать. В душе ключом бьют забавные мысли, я не успеваю их удержать, а они уже теснятся новыми. Мне трудно отделить одну мысль от другой.

Мне редко удается запомнить все, о чем я думал. Прежде чем я осмыслю очередное озарение, оно, как правило, превращается в другое, более удачное, но и то мимолетно настолько, что я напрягаюсь изо всех сил, чтобы спасти его от нахлынувших новых мыслей...

Опять у меня в голове звучат голоса. Меня преследует целая стая встревоженных душ, которые используют клетки моего мозга, чтобы поговорить друг с другом. Мне не хватает самообладания, чтобы вместить их всех, и значит, часть из них потеряется навсегда. Мыслей так много, что я должен постоянно давать им выход. Через равные промежутки времени я вынужден брать перо и бумагу, чтобы позволить идеям вырваться наружу...

Проснувшись несколько часов назад, я был уверен, что сформулировал самое адекватное определение бытия. Теперь я уже не так в этом уверен; во всяком случае, я отвел этому девственному афоризму надлежащее место в своей записной книжке. Убежден, что его можно будет обменять на хороший обед, а если я продам этот афоризм кому-нибудь, у кого уже есть известное имя в литературе, он, возможно, войдет в следующее издание «Крылатых слов».

Наконец я решил, кем стану. Буду заниматься тем, чем занимался всегда, но отныне это будет мой хлеб. У меня нет потребности прославиться, что очень важно, но я могу сильно разбогатеть.

Всегда грустно листать старый дневник. Приведенные выше записи датированы 10 и 12 декабря 1971 года, когда мне было девятнадцать лет. Три или четыре недели назад Мария уехала в Стокгольм. После этого я видел ее всего пару раз, последний — двадцать шесть лет назад. Не знаю, где она теперь, и даже не знаю, жива ли она.

Видела бы она меня сейчас! Мне следовало улететь первым же утренним рейсом, бросить все и улететь. Давление извне сравнялось наконец с внутренним давлением, и возникло некое равновесие. Думаю, что теперь я с этим справлюсь. Если соблюдать осторожность, можно прожить здесь еще пару недель, прежде чем сеть окончательно затянется вокруг меня.

Надо радоваться, что я целым и невредимым покинул эту книжную ярмарку. Они преследовали меня до аэродрома, но едва ли узнали, каким самолетом я лечу. Я купил билет на первый попавшийся рейс из Болоньи.

— Вы уже решили, куда направляетесь?

Я отрицательно покачал головой.

— Просто мне надо улететь отсюда, — сказал я. — С первым же самолетом.

Теперь настала ее очередь качать головой, потом она засмеялась.

— Пока пассажиров еще мало, — проговорила она, — но поверьте, потом будет больше. — И наконец, когда я уже получил билет: — Хорошего отдыха! Вы его, безусловно, заслужили...

Если бы она знала! Если бы она только знала, чего я заслужил!

Через двадцать минут после того, как самолет поднялся в воздух, я взял билет на другой рейс, во Франкфурт. Однако не полетел и этим. Они наверняка думали, что я, поджав хвост, лечу в Осло. Но тот, кто поджимает хвост, не всегда поступает умно, выбирая самую короткую дорогу домой.

Здесь я остановился в старой гостинице на берегу. Я сижу и смотрю на море: на длинном мысе стоит старая мавританская башня. В бухте рыбаки на голубых лодках вытягивают сети, другие направляются к молу с сегодняшним уловом.

Пол в номере выложен керамической плиткой. Она холодит ноги, я надел три пары носков, но от студенной плитки они не спасают. Если я не согреюсь, придется снять широкое покрывало с двуспальной кровати и сложить его под столом, сделав подушку для ног.

Я оказался здесь совершенно случайно. Первый самолет из Болоньи с таким же успехом мог направляться в Лондон или в Париж. Тем более мне кажется исполненным смысла, что я сейчас сижу за старинным письменным столом, за которым когда-то давно

сидел и писал другой норвежец¹, он, как и я, находился в добровольном изгнании. Я приехал в европейский город, который одним из первых стал производить бумагу. Развалины старинных бумажных мельниц, как бусины, разбросаны по склонам долины. Конечно, я осмотрю их. Хотя почти все время намерен проводить в гостинице — я заказал полный пансион.

Маловероятно, чтобы в этих краях кто-нибудь слышал о Пауке. Здесь больше интересуются лимонами и туризмом, а сейчас, к счастью, еще не сезон. Я вижу туристов, идущих босиком по кромке воды, но купальный сезон пока не начался, и лимоны должны провисеть на деревьях еще несколько недель.

У меня в номере есть телефон, но нет друзей, с которыми я мог бы пооткровенничать, с тех пор как Мария уехала, у меня никого нет. К тому же я малопрятный тип, и меня едва ли можно назвать человеком чести, хотя, впрочем, есть один знакомый, который все-таки не желает мне смерти. Об этом написала «Коррьере делла сера», сказал он, но теперь, похоже, все рухнуло. Я решил выйти из дома завтра рано утром. По пути сюда у меня было достаточно времени, чтобы все обдумать. Я один знаю весь масштаб моей деятельности.

И я решил рассказать обо всем. Я пишу, потому что хочу понять самого себя, и буду предельно откровенен. Это отнюдь не означает, что я стремлюсь к достоверности. Если человек считает, что пишет достоверно о своей жизни, это, как правило, говорит о том, что его судно перевернулось еще до того, как он пустился в свое рискованное плавание.

---

¹ Имеется в виду Хенрик Ибсен (1828–1906), проживший много лет в Италии. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Пока я сижу, погруженный в раздумья, по моей комнате расхаживает маленький человечек. Его рост не более метра, но он взрослый мужчина. На нем черный, как антрацит, костюм и лаковые ботинки, он носит островерхую зеленую фетровую шляпу и на ходу помахивает бамбуковой тростью. Иногда он показывает тростью на меня, и это означает, что я должен поспешить с рассказом о своей жизни.

Именно этот маленький человек в фетровой шляпе и побудил меня рассказать все, что я помню.

Когда я допишу свои мемуары, моим неприятелям будет труднее меня убить. Один только слух, что мемуары будут опубликованы, может нагнать страху даже на самых смелых. Пожалуй, стоит распустить такой слух.

Десятки диктофонных кассет надежно хранятся в банковском сейфе, я признаю это, но не скажу, где именно, у меня во всем полный порядок. На маленьких кассетах записана почти сотня голосов — столько людей уже признались, что у них есть повод меня убить. Некоторые угрожали мне открыто, все это тоже записано на кассетах, они пронумерованы с I по XXXVIII, к тому же я разработал подробный список, который позволяет быстро перемотать кассету до того места, где звучит нужный голос. Я оказался предусмотрителен, некоторые назовут это коварством. Не сомневаюсь, что именно слухи об этих маленьких кассетах охраняли меня последние несколько лет. Особую ценность мои маленькие чудесницы приобретут, когда будут дополнены этими записками.

Я вовсе не имею в виду, что мои откровения могут служить мне гарантией, охранной грамотой, да и кассеты тоже. Я собираюсь уехать в Южную Америку

или куда-нибудь на Восток. В настоящее время я по-думываю об одном острове в Тихом океане. Так или иначе, мне все равно придется жить изгоем. Но, по-моему, жить изгоем в большом городе грустнее, чем на маленьком острове где-нибудь в Тихом океане.

Я стал богатым человеком. Это меня не удивляет. Ведь я оказался первым в своей области, во всяком случае, я первый повел дело с таким размахом. Рынок был неограничен, и я все время поставлял на него свой товар. Я не преступал законов и даже умудрялся частично платить налоги, кроме того, я жил скромно и не пропаду, если мне и придется погасить значительную недоимку по налогам. Переводы денег были вполне легальны и для моих клиентов, хотя от чувства неловкости это их не избавляло.

Я понимаю, что с сегодняшнего дня стал изгоем и, следовательно, беднее многих других. Но я не поменялся бы судьбой с каким-нибудь учителем.

Да и с каким-нибудь писателем, если на то пошло. Вряд ли я смог бы жить исключительно частной жизнью.

Маленький человечек действует мне на нервы. Единственный способ забыть о нем — это поскорее начать работать. И я начинаю с того времени, как помню себя.

Петтер Паук

Я считаю, что у меня было счастливое детство. Но мама думала иначе. Она знала об асоциальном поведении Петтера и до того, как он пошел в школу.

Первый раз ее вызвали для серьезного разговора еще в детский сад. Я просидел полдня, издали глядя, как играют другие дети. Я их не боялся. Мне просто нравилось смотреть, какой полной жизнью они живут. Многие дети любят наблюдать за котятками, канарейками или хомячками, я это тоже любил, но наблюдать за живыми детьми было куда забавнее. Кроме того, это я управлял ими, я решал, что они должны делать и говорить. Они этого не знали, не знала этого и наша воспитательница. Иногда у меня поднималась температура, я оставался дома и слушал биржевые сводки. В такие дни в детском саду ничего интересного не происходило. Дети то снимали, то надевали комбинезоны. Я им не завидовал. Может быть, они даже не завтракали.

Отца я видел только по воскресеньям. Мы с ним ходили в цирк. Вот где было здорово! А дома я устраивал свой цирк. Он был куда лучше настоящего. Тогда я еще не умел писать и создавал все в своем воображении. Это было не трудно. К тому же я рисовал